

«Нас четверо»

Образы О. Мандельштама,
М. Цветаевой и Б. Пастернака
в цикле «Венок мертвым» А. Ахматовой

© Л.Л. БЕЛЬСКАЯ,
доктор филологических наук

В статье анализируются стихи А. Ахматовой из цикла «Венок мертвым», посвященные поэтам О. Мандельштаму, М. Цветаевой и Б. Пастернаку.

Ключевые слова: поэт, поэтесса, поэты, стихотворение, стихи, посвящение, цикл, двойник, друзья, сердце.

DOI: 10.31857/S013161170001258-2

The article gives the analysis of the poems from the cycle «Wreath to dead people» by A.A. Akhmatova devoted to the poets O. Mandelstam, M. Tsvetaeva and B. Pasternak.

Keywords: poet, poem, dedication, cycle, twin, friends, heart.

Так озаглавила Анна Ахматова свое стихотворение 1961 года, включенное в цикл «Венок мертвым» (1938–1961). На это заглавие, вероятно, натолкнуло ее обращение Б. Пастернака к друзьям Маяковскому и Асееву «Нас мало. Нас, может быть, трое...» (1921). Она даже использовала тот же стихотворный размер – 3-стопный анапест, но выбрала других героев, близких ее душе и уже ушедших из жизни – Осипа Мандельштама, Марину Цветаеву и Бориса Пастернака. Примечательно, что каждого из троих поэтесса помянула по отдельности согласно датам их ухода из жизни.

Первым она отпела Мандельштама, погибшего в пересыльном лагере в конце 1937 года, о чем они с его женой долго не знали, и потому поминательное стихотворение «Над ними склонюсь, как над чашей...» написано

только через 20 лет (1958). Двух поэтов связывала многолетняя «литературная дружба» (с 1916 по 1938) со взаимными цитатами, переключками, иногда обидами — «взаимообидчивая дружба» (Р. Тименчик): «ахматовские уколы» и «столпничество на паркете».

Молодую Ахматову Мандельштам сравнивал с расинской Федрой и пророчицей Кассандрой, а ее зрелую лирику возводил к русской психологической прозе XIX века. Она не со всеми его суждениями соглашалась и считала, что любит его стихи больше, чем он. Ахматовская любовь, восхищение и сострадание звучат и в прижизненном посвящении («А в комнате опального поэта / дежурят страх и Муза в свой черед» — «Воронеж», 1936), и в посмертном реквиеме: «Это пропуск в бессмертие твой». Она скорбит и перечитывает его тетради (книги не издаются), вслушивается в «черную нежную весть», вспоминает, как дышала воздухом над бездной в ночи «пустой и железной», нечто подобное когда-то писал Мандельштам о душе, висящей над бездной, о «бархате советской ночи, о бархате всемирной пустоты». У Ахматовой «наши проносятся тени над Невой», а он предлагал: «В Петербурге мы сойдемся снова», и над Невой сиял декабрь, и поэт то спускался в царство теней, то вступал в «хоровод теней, топтавших нежный луг». Этот нежный луг в финале ахматовского текста превратился в «загробный»: «Это голос таинственной лиры, / На загробном гостящей лугу». И еще Ахматова напоминает нам о мандельштамовской «тоске по мировой культуре», о его стихах про «голубку Эвридику» («кружатся Эвридики»), про похищение Зевсом Европы («Бык Европу везет по волнам»). А вслед за античными мотивами вдруг возникает воспоминание о «ключиках от квартиры», своей, а не чужой («Квартира тиха, как бумага»), к которой Мандельштамы так и не успели и не сумели привыкнуть. Так прощается Ахматова со своим другом, подчеркивая их близость и кровную связь (*наша юность, наши тени*).

В отличие от посмертных стихов, обращенных к Мандельштаму, посвящение Марине Цветаевой написано при ее жизни в 1940 году, перед первой их встречей в Москве, но дописывалось тоже через 20 лет (1961) после ее самоубийства и включено в «Венок мертвых». Название «Поздний ответ» намекало на цветаевский цикл «Стихи к Ахматовой» (1916), рукопись которого Ахматова долго хранила при себе и знала наизусть (а «Музу Плача» взяла себе в двойники), но так и не откликнулась. И вот в «Позднем ответе» на первый план выступает тема двойничества. Сначала в эпиграфе цитируются цветаевские прозвища Ахматовой «Белорученька моя, чернокнижница» (последнее относилось и к самой Марине). Потом в тексте героиня названа ахматовским двойником и «невидимкой», «пересмешником», который скрывается в «дырявом скворешнике», «прячется в черных кустах», мелькает на «погибших крестах», а то оказывается в «Маринкиной башне», повторяя судьбу Марины Мнишек. Цветаева также любила игру в переодевания, как

и Ахматова («сто зеркал»). По словам Надежды Мандельштам, «Двойничество не только литературная игра, но и психологическое свойство Ахматовой, результат ее отношения к людям». Она видела своего двойника и в мраморной статуе, и в античных героинях (Кассандре, Антигоне), и в реальных женщинах (О. Судейкиной, М. Цветаевой). Такую лирику можно определить как «ролевую» (М. Гаспаров).

Ахматовская Марина кричит из башни о своем возвращении в Россию и о том, что здесь ее ожидало: «Погубила любимых пучина, / И разграблен родительский дом». Впоследствии Анна Андреевна признавалась, что не решилась прочесть собеседнице это стихотворение из-за «страшной строки о любимых», и прощаясь, перекрестила ее. В молодости Марина утверждала, что у нее и Анны «судьба одна». А через несколько десятилетий ее дочь Ариадна сопоставит их: «Марина была безмерна, Анна гармонична... Безмерность принимала (и любила) гармоничность другой, ну, а гармоничность не способна воспринимать безмерность». Не в этом ли причина столь «Позднего ответа»?

Вернувшись к нему через 20 лет, поэтесса представила ночную прогулку по Москве со своим двойником и жуткую картину шествия миллионов то ли живых, то ли мертвых.

А за нами таких миллионы,
И безмолвнее шествия нет...
А вокруг погребальные звоны
Вьюги, наш заматающей след.

И вновь автор объединяет себя с героем (как с Мандельштамом, «окровавленная наша юность»), но на этот раз присоединяет к «нам» миллионы пострадавших и мучеников. Дописать эту концовку она смогла только с наступлением «оттепели».

Самые сложные и противоречивые взаимоотношения были у Ахматовой и Бориса Пастернака — от восторженных отзывов до безразличия и снисходительности, но в жизни он всегда сочувствовал и помогал ей. Превеличенным же его восторгам о ее творчестве («изумительный поэт») она не очень доверяла, подозревая, что ее стихов он никогда не читал.

Однажды поэты обменялись дружескими посланиями — «Анне Ахматовой» (1929) и «Борис Пастернак (Поэт)» (1935). И надо признать, что она действительно лучше знала его поэзию, ее тематику и художественные особенности (внимание к деталям, предметному миру, метафоричность), а в его личности разглядела «вечное детство», «щедрость и зоркость светил». Пастернак же дал ей общую и приблизительную характеристику и сам был в ней не уверен («Мне кажется, я подберу слова, / Похожие на вашу первозданность»). Наиболее точными из них стали «прозы пристальной крупницы». Не приняли друзья главные произведения друг друга — «Поэму без героя» и «Доктор Живаго» («гениальная неудача»).

В 1947 году, в тяжелое для Ахматовой время, когда Пастернак ее всячески поддерживал, он и сам попал в нелегкое положение, и над ним сгустились тучи (проработки, негативные упоминания в прессе), ей захотелось сказать ему доброе слово, и она начала свое посвящение «Борису Пастернаку» с образа, напоминающего метафоры раннего поэта: «Осень валит Тамерланом». Ср. «Осень. Изжелта-сизый бисер нижится», «Омытый мглой лиловой / Садовый Сен-Готард». Однако продолжение последует только через 10 лет также с пастернаковскими мотивами, но из его поздних стихов — туманы, дожди, черные дороги, полустанки, тишина, оглохший мир.

И теперь, в 1958 году, Ахматова вспоминает еще одно стихотворение Пастернака, посвященное ей (из «Стихов Юрия Живаго»), «Гефсиманский сад» — о судьбе Иисуса Христа и его последних днях. Поэтесса, говоря о «могучей евангельской старости» и «горчайшем гефсиманском вздохе», намекает на судьбу Пастернака и, вероятно, на события вокруг Нобелевской премии:

Отдай другим игрушку мира — славу,
Иди домой и ничего не жди.

Через два года, находясь в больнице с инфарктом, Анна Андреевна узнала о смерти Бориса Леонидовича и посвятила ему «похоронные стихи», создав триптих, наподобие «Трилистников» своего учителя Ин. Анненского. Так появились второе стихотворение «Умолк вчера неповторимый голос...» и третье — «Словно дочка слепого Эдипа...» (июнь 1960). Второму предпослан пастернаковский эпиграф «Как птица, мне ответит эхо», и в ахматовском тексте поэт назван «собеседником рощ». Его голос умолк, и стало тихо на земле, но расцвели все цветы, а «он превратился в жизнь дающий колос или в тончайший им воспетый дождь». В заключительной части миницикла тоже не ощущается трагизма: «собеседник рощ» преобразуется в «провидца», а его Муза похожа на дочь слепого Эдипа (один из двойников Ахматовой), которая сопровождала его. А взамен цветов в «этом траурном мае» зацвела «одна сумасшедшая липа». Умерший поэт с юности верил, что перед ним

Вьется путь золотой и крылатый,
Где он вышею волей храним.

И делился этой верой со своей подругой.

После прощания с тремя друзьями-поэтами, с которыми беседовала Ахматова (*наши тени, мы с тобою, он поведал мне*), следует как итог «Нас четверо» (1961) с эпиграфами троих усопших о четвертой — живой: «Ужели и гитане гибкой / Все муки Данта суждены?» (О. М.); «Таким я вижу облик Ваш и взгляд» (Б. П.); «О, Муза Плача» (М. Ц.). А само стихотворение — это в сущности прощание автора с жизнью.

И отступилась я здесь от всего,
От земного всякого блага. <...>
Все мы немного у жизни в гостях.
Жизнь — это только привычка.

И происходит воображаемая встреча с ушедшими близкими людьми. Вначале поэтессе чудится «на воздушных путях двух голосов перекличка». Это Мандельштам и Пастернак, стихи которых, как и «Поэма без героя», печатались в нью-йоркском альманахе «Воздушные пути». А потом видится в зарослях у стены: «Темная, свежая ветвь бузины... / Это — письмо от Марины». Ахматова имела в виду цветаевское стихотворение «Бузина», в котором Марина признавалась в любви к бузинному кусту, готовая променять на него Дворец искусств, усматривая в бузине и кровь наших сердец, и «ягоды слаще яда», и «болезнь века».

Таким образом, в итоговом ахматовском послании к друзьям она, по существу, встречается с ними — слышит их голоса, получает письмо. Это значит, что пока мы у жизни в гостях, вместе с нами живут и люди, дорогие нашему сердцу.

*Цфат,
Израиль.*